

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ЛЕКСИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ АРМЯНСКОГО С ДАГЕСТАНСКИМИ ЯЗЫКАМИ

В статье, опубликованной пятнадцать лет тому назад¹, О.И. Виноградова и Г.А. Климов насчитывают двадцать три армянских слова не непосредственно индоевропейского происхождения, которые имеют соответствие в дагестанских языках Восточного Кавказа. Эти армянские слова, по мнению Виноградовой и Климова, являются источником происхождения целого ряда дагестанских слов² и свидетельствуют о влиянии армянской культуры на культуру Дагестана. Некоторые из этих примеров не вызывают сомнения в том, что направление заимствования шло из Армении на восток, прекрасным примером чего служит арм. *խաչ*³ ‘крест’, обозначение важного христианского символа; к этому можно добавить арм. *շար*⁴, обозначающее проповедь как часть христианской службы. Оба эти слова – специфически армянские культурные термины, которые получили широкое распространение вместе с понятием, которое они выражают.

Другие дагестанские слова, которые приводят Виноградова и Климов, в высшей степени сомнительны с точки зрения армянского происхождения. Одно из них – арм. *kalal*⁵ ‘греческий орех’ – слово неясного происхождения в самом армянском. Судя по тому, что история этого слова недостаточно известна, слово *kalal* само, вероятно, является довольно поздним заимствованием в армянском⁶. Нет свидетельств, что это слово употреблялось в классическом или среднеармянском⁷. В книге *Naibusak*⁸ это слово фиксируется как пришедшее из черноморского региона. Кроме того, это заимствование оказалось бы излишним, поскольку обычное наименование грецкого ореха, широко распространенное как в восточном, так и в западноармянском, это *әпкөүз*. Если бы источником распространения названия грецкого ореха явился армянский язык, то это не было бы слово *kalal*. По-видимому, дагестанские языки получили слово *kalal* из того же источника, что и армянский.

Та же история возможна и с термином из сферы одежды, приводимым Виноградовой и Климовым, – *čindak*⁹ ‘вид чулок, носков’. Это слово имеет короткую историю в армянском и отмечено только в современных словарях¹⁰. Мы не можем отнести к этой категории слово *хլէզ*¹¹ ‘ящерица’, потому что оно известно в стихотворном сочинении четырнадцатого (?) века у епископа Киракоса¹² и хорошо подтверждено современными армянскими диалектами, хотя общераспространенным наименованием ящерицы является арм. *տօլէզ*. Подобным же образом арм. *շօր* ‘вид одежды’ зафиксировано в среднеармянском¹³. Ввиду широкого распространения этих двух слов в армянских диалектах они легко могли

* © John A.C. Greppin (1992).

быть поздними заимствованиями из армянского в дагестанские языки. Другие слова, по Виноградовой и Климову, которые имеют короткую историю в армянском и известны только из современных словарей, это арм. *zol*¹⁴ ‘полоска’, *kčak*¹⁵ (или *kočak*¹⁶) ‘пуговица’, *krkit*¹⁷ ‘укрепление’. Сомнительно, чтобы эти слова, едва ли армянские, явились источником столь многих параллельных терминов в различных дагестанских языках, они недостаточно весомы сами по себе. К ним следует прибавить два армянских слова, которые имеют слабые семантические связи¹⁸ с их фонетическими соответствиями в кавказских языках: арм. *tapan* ‘ковчег’, удин. *tapan* ‘корыто’, цахур. *tapan* ‘улей’; арм. *čel* ‘род, племя’, удин. *cel*¹⁹, лезгин. *cil* ‘зерно, семя’²⁰. Вообще трудно принять, что эти армянские и дагестанские слова непосредственно связаны между собой.

В отличие от этих очень поздних терминов, другие армянские слова, перечисленные Виноградовой и Климовыми, имеют безупречное происхождение, встречаясь довольно часто в древнейших армянских текстах, начиная с первой половины V в. Примером этого может служить слово *t'ur* ‘меч’. Виноградова и Климов отмечают четыре кавказских соответствия в лезгинском, агульском, даргинском и лакском. Справившись в словаре Ачаряна, можно обнаружить гораздо больший список, поскольку там отмечены соответствия в восьми кавказских языках: тушинском, чеченском, хиналугском, агульском, рутульском, лакском, цахурском, кубачинском и хюркелинском. И хотя Ачарян говорит, так же, как Виноградова и Климов, что кавказские слова заимствованы из армянского, это утверждение далеко от ясности. Мы нуждаемся в дальнейшем филологическом комментарии, прежде чем быть уверенными в том, откуда и куда шло это слово. Может помочь знание восточнокавказского искусства изготовления мечей в период раннего христианства, а равным образом более точная идентификация слов со значением ‘ящерица’ и ‘носок’; мы просто недостаточно знаем об арм. *t'ur* ‘меч’ и арм. *čindak* ‘носок’, чтобы начать говорить о том, откуда и когда эти слова появились в армянском и как они распространялись.

Шесть слов – четверть того, что приводят Виноградова и Климов, – требуют специальных замечаний, поскольку все они в действительности заимствованы самим армянским либо из персидского или семитского. Вероятно, что их распространение в дагестанских языках явилось следствием смешения с персидским или от арабского вторжения до XI века. Во-первых, следует заметить, что персидские заимствования обычны в дагестанских языках без армянского посредства. Для примера можно взять удинский язык. Там мы имеем, например, удин. *darvaza* ‘калитка’,ср. перс. *darvazah* то же²¹, удин. *kiz* ‘войлок’ – перс. *kiz* то же²², удин. *bazuk* ‘локоть’,ср.-перс. *bāzā* ‘рука’, нов.-перс. *bāzā* ‘верхняя часть руки’²³, удин. *lal* ‘немой’, н.-перс. *lāl* то же²⁴, удин. *balamand* ‘сокол’ с диссимиляцией из перс. *bālābān* ‘ловчий сокол’²⁵. Удин. *žaman* ‘время’ – перс. *zamān* (арм. *žaman*²⁶).

На основе этих данных мы видим влияние, которое оказал персидский язык. Следующие четыре слова, которые Виноградова и Климов считают

армянскими по происхождению, вероятнее всего представляют результат воздействия персидского на дагестанские языки.

1. Удин., агульск., лезг. и лакск. *dew* ‘демон’, арм. *dew* то же. Слово известно в древнейшем иранском: авест. *daeva-*, ср.-перс. *dēw*, н.-перс. *dev*²⁷.

2. Хиналуг. *tonur*, табас. *ttarin* ‘печь’, арм. *t' onir* то же. Это слово в конечном счете из аккадского, откуда – в ср.-перс. *tanūr*²⁸, из ср.-перс. – в армянский²⁹. Вокализм хиналугского и табасаранского слов не соответствует армянскому. Хиналугская форма ближе к исходной пехлевийской, а табасаранская, с метатезой, ближе к груз. *toren* и удин. *tarun* – то же. Арм. *t' onir*, кажется, не играло в данном случае никакой роли.

3. Лезг. *kunt*, агульск. *kunt*, табас. *gunč*, цахур. *guč*, рутул. *qunt*, крыз. *gunč*, арм. *gund* ‘отряд’. Эти слова пришли вероятнее всего прямо из ср.-перс. *gund* ‘войско, армия’³⁰.

4. Удин. *kalamb*, лезг. *kəlamp*, арм. *kałamb* ‘капуста’. Вероятно, из персидского, ср. н.-перс. *kalam*, *karanb* то же³¹.

Два слова имеют семитское происхождение.

1. Лезг. *tuğrat*, крыз., будух. *meğrat*, хинал. *tuğrad*, арм. *mrkat* ‘ножницы’. Это слово арабского происхождения (*miqrād*) известно в армянском только с восемнадцатого века, а поскольку Виноградова и Климов допускают, что это арабское слово, они должны бы считать арабский более вероятным источником и для дагестанских языков.

2. До некоторой степени аналогично предыдущему удин., цахур., рутул. *mangal*, лезг. *mangal*, *mukkal*, агул. *makal*, арм. *mangał* ‘серп’. Это слово заимствовано из семитского, как замечают Виноградова и Климов³², семитскими родственными формами для слова являются сирийск. *maggəlā*, *māgal*, араб. *minjal*. Но следует также отметить, что это слово известно в персидском, где термин *mangāl* был отмечен в диалекте парси, что уже давно обсуждал Хоутум-Шиндлер (Houtum-Schindler 1882. 71)³³. Но этого слова нет в словарях Вуллерса (Lexicon Persico-Latinum) или Стайнгасса (Persian-Englisch Dictionary). Похоже, что и армянский, и дагестанские языки получили его из персидской формы, отмеченной Хоутум-Шиндлером, куда оно попало через арамейский.

Особой ясностью отличается армянское слово *katu* ‘кошка’³⁴, согласно Виноградовой и Климову, лежащее в основе соответствующих обозначений в лезгинском, будухском, лакском, аварском и андийском. Но термин ‘кошка’ – сам по себе таинственный, его истоки теряются в лингвистической мгле раннего Египта эпохи фараонов, и распространилось оно приблизительно в одной и той же форме во многих языках на территории от Италии до тюркских языков Центральной Азии. Нет никаких оснований считать, что именно армянский язык принес в аварский наименование кошки³⁵.

Четыре оставшихся слова это арм. *kał* ‘хромой’, *čči* ‘червь’, *tořn* ‘нить’ и *sand* ‘ступа’. Все эти слова имеют четкие дагестанские соответствия, все они зафиксированы в армянском языке с древнейшего периода. И все эти слова не имеют этимологии³⁶. Известно, что в грузинском языке есть слова *ķeli* ‘хромой’, очень близкое арм. *kał*³⁷. О двух словах (арм. *sand*

‘ступа’³⁸ и арм. չ՛ս ‘червь’³⁹) мало что можно сказать. Арм. չ՛ս встречается в Библии четыре раза и сохраняется в языке до настоящего времени. Арм. *sand* появляется впервые в VI в. и продолжает существовать до сегодняшнего дня наряду со словом *ankam*, обычным наименованием ступы. Изолированное положение этих слов мешает нам считать их источником происхождения дагестанских слов. Вопреки мнению Ачаряна, высказанному в его “Корневом словаре”, а также мнению Виноградовой и Климова, нет никаких причин соглашаться с тем, что направление заимствования шло из армянского в дагестанские языки. В действительности, обратный путь заимствования кажется более приемлемым, учитывая множество дагестанских языков и разнообразие фонетических вариантов. Только *խաչ* и *շար* – вероятные заимствования из армянского в восточнокавказские языки, вот почему это наталкивает на мысль об уникальности данного явления, в то время как для других заимствований из армянского в восточном направлении, о которых пишут Виноградова и Клинов, очень мало данных.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Виноградова О.И., Клинов Г.А. Об арменизмах в дагестанских языках // Этимология 1977. М. 1979.
- ² Авторы пишут, что многие из этих слов пришли в дагестанские языки не из армянского, а через армянский из более ранних источников. Более сложная проблема заключается в том, чтобы указать направление этих заимствований, имеющихся как в армянском, так и в дагестанских языках. Ачарян в различных работах констатировал, что многие из этих заимствований шли из армянского в кавказские языки. Мне кажется более приемлемой мысль об ином направлении заимствований, и этот вывод основан на широком распространении этих слов в дагестанских языках и их узком распространении в армянских диалектах.
- ³ Виноградова и Клинов дают соответствия в агульском, цахурском, рутульском и табасаранском.
- ⁴ Виноградова и Клинов дают соответствия в лезгинском, агульском и табасаранском.
- ⁵ Есть соответствия в лезгинском, табасаранском и цахурском.
- ⁶ Утверждение, что слово *kalal* шло через армянский, а не из армянского кажется скорее игрой слов, а не филологическим положением.
- ⁷ Это подтверждается их отсутствием у Хукшана (1986), Амалияна (1975) и Газаряна (1987).
- ⁸ Haybusak kam haykakam busabariut ‘iwn. Венеция, 1895, 283. Это собрание более трех тысяч названий растений, которые сопровождаются, где это возможно, латинским определением.
- ⁹ Есть соответствия в удинском и цахурском.
- ¹⁰ Я ссылаюсь на Агаяна (Ardi hayereni bac‘atrakan bařaran. Jerevan, 1976), Академический словарь (Žamanakakic̄ hayeoč̄ lezvi bac‘atrakan bařaran. Jerevan, 1969–1979) и Малхасяна (Hayerēn bac‘atrakan bařaran. Jerevan, 1944).
- ¹¹ Имеется соответствие в цахурском.
- ¹² Mnatsakanian A. (Mnac‘akanyan, A.S) Govank’ t‘rč̄ noc̄ tałašark’ə, nra helinakə ev žamanakə // Banber Matenadarani 13, 1980, 245, 40 (*xa lez*).
- ¹³ Amalian H.M. Bārgirk̄ hayoč̄. Jerevan, 1975, 251, 169.
- ¹⁴ Есть соответствия в крызском и будухском.
- ¹⁵ Есть соответствия в агульском, цахурском, аварском, андийском, лакском и рутульском.
- ¹⁶ Это наименование для пуговицы в этом написании известно в XII и XIII вв. (Газарян 1987, 405), но оно остается темным даже в средневековое время. Дагестанские формы, приходимые Виноградовой и Клиновым, значительно ближе к форме *kčak*, которая неизвестна до XX в., чем к *kočak*.

- ¹⁷ Соответствия в удинском и цахурском.
- ¹⁸ В общем заимствования этого рода имеют тенденцию тесно продолжать семантику слова в языке-источнике. Там, где это не так, новая семантика почти всегда обнаруживает ясную и логичную производность.
- ¹⁹ Это относится к слову, известному в Кавказской Албании, предшественнику удинского. В их древнем календаре четвертый месяц года назывался *ts'ile* ‘месяц сева’ (См. Greppin John A.C. *The Language of the Caucasian Albanian // Folia Slavica* 5, 170).
- ²⁰ Маловероятно, чтобы позднее армянское глухое *t* перешло в другие языки в виде *l*, скорее было бы *gh*. Этот момент учитывается Виноградовой и Климовым, которые датируют передачу арм. *t* в дагестанском как *l* до VIII или IX в. К сожалению, неизвестно, существовали ли многие из этих слов в армянском в то время.
- ²¹ Армянский эквивалент не известен.
- ²² Армянский эквивалент не известен.
- ²³ В армянском языке есть слово *bazuk* ‘рука’, которое соотносится с удинским фонетически, а не семантически.
- ²⁴ Армянский эквивалент не известен.
- ²⁵ То же слово существует в азербайджанском и русском, по происхождению из персидского; в Персии охота с соколами принесла форму искусства. Перс. *bālābān* засвидетельствовано в армянском только в период позднего средневековья в западно-армянской форме *palapan*, которая не могла проникнуть в удинский (См.: Greppin John A.C. *Classical and Middle Armenian Bird Names: A Linguistic and Mythological Study*. Delmar, New York. Caravan Books, 1978, 62, 68).
- ²⁶ Армянское происхождение в данном случае не достоверно, несмотря на необычное арм. *žaman*, которое совпадает с удинской формой, так как чередование *z* и *ž* известно в персидском:ср. и.-перс. *zangār*, *žangār* ‘ярь-медянка’. Удинское слово могло быть с таким же успехом заимствовано из персидского.
- ²⁷ Слово существует также в грузинском языке в форме *devi*. Слово *dew* было более важным в доисламской иранской культуре, чем в культуре христианской Армении; заимствование из персидского представляется более предпочтительным.
- ²⁸ Kaufmann St. A. *The Akkadian Influences on Aramaic. Assyriological Studies*, N 19. Chicago, 1974. 108.
- ²⁹ Это слово имеет необычную историю. Оно было заимствовано прямо из аккадского в древнееврейский (см.: Koehler L. and Baumgartner W. *Lexicon in veteris testamenti libros*, Leiden, 1985), из того же источника слово вошло в среднеперсидский. Из среднеперсидского распространение этого слова было весьма впечатляющим: в арамейский, а оттуда в арабский (см.: Kaufmann St.A. Op. cit. 108). Мы допускаем, что распространение этого слова в грузинский язык и дагестанские языки было также отчасти результатом персидского воздействия (см.: Greppin J. *The Survival of Ancient Anatolian and Mesopotamian Vocabulary until the present // Journal of Near Eastern Studies* (продолжение)).
- ³⁰ Хотя груз. *gund*, возможно, армянского происхождения (см. Andronikashvili, M. Narķevebi *iranul kartuli enobrivi urtiborian*. Tbilisi, 1966, 229), но другие слова не могут считаться из того же источника. Но, конечно, грузинский язык может быть таким же источником заимствования, как и армянский, хотя не в такой степени, как непосредственный иранский источник.
- ³¹ Менее вероятно происхождение из груз. *kalnubi*, которое должно быть прямым заимствованием иранской формы, такой, как перс. *karanb* (с метатезой в середине слова) (см. Andronikashvili. Указ. соч., 333).
- ³² Они указывают аккад. *manigallu* (слово темное), но более вероятна его связь с корнем *nagālu* ‘блестеть, сверкать’.
- ³³ Существует много примеров, когда дагестанские языки или армянский имеют арамейские слова, отсутствующие в персидском лексиконе. Можно сказать (хотя и трудно доказать), что эти дагестанские или армянские слова происходят в конечном счете из арамейского через персидское посредство, причем это посредствующее звено ныне утрачено.
- ³⁴ См. в связи с этим разумные соображения Климова о названиях кошки в сб. в честь Шанидзе (Тбилиси, 1967, с. 378–381).
- ³⁵ В крымско-татарском есть слово *kedi* – более подходящий источник для аварско-

- андийского, чем армянское (см. *Радлов II*, 1135). Я против соображений Климова, высказанных в Сб., посвященном А.Г. Шанидзе (378–381).
- ³⁶ Ссылка на Бугге (*Bugge S. Beiträge zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprach // Zeitschrift für vergleichende Schprachforschung*, 1893), который приводят индоевропейский источник для *kal*, совершенно неубедительна, как замечают Виноградова и Климов. К сожалению, многие из работ Бугге по армянской этимологии конца XIX в. не слишком весомы.
- ³⁷ Ср. также сван. *mækli* то же (*Gudgedjiani, Ch. and Letas Palmaitas. Svan Englisch Dictionary. New-York, 1985, 223*). Слово скорее картвельское по происхождению и заимствовано из картвельского в армянский так же, как и в различные дагестанские языки.
- ³⁸ Это соответствует слову с такой же формой, означающему ‘молоток’ в лезгинском, цахурском и рутульском.
- ³⁹ Это соответствует близкому по форме слову в крызском и будухском с теми же семантическими параметрами.

Пер. с англ. В.А. Меркуловой

Г.А. Климов

О ДАГЕСТАНСКИХ АРМЕНИЗМАХ

Как следует из критического отклика Дж. Греппина на нашу заметку, из 23 приведенных в ней дагестанских арменизмов он принимает 2 (№ 9 и 21), ставя армянский источник всех остальных под серьезное сомнение. Ниже попытаемся показать беспочвенность подобных сомнений.

Сначала о нескольких очевидных недоразумениях. Армянский источник дагестанских обозначений серпа (№ 8) в противоречии с отклонением его на с. 159 ниже на с. 161 признается самим же рецензентом возможным. Рецензент полемизирует с нами по поводу армянского обозначения рода одежды (№ 19), которое нами вообще не затрагивается. На с. 161, вопреки арmenистической традиции (С. Бугге, Гр. Ачарян, Г.Б. Джакун и др.) удин. *kala* ‘хромой’ он предпочитает сближать не с арм. *kal* то же (№ 22), а с несуществующим груз. *keli*. Наконец, согласно рецензенту, даг. *kačal* ‘камешек, орех (и т.п.)’ (№ 16) и даг. *kerkeč* ‘полено, деревяшка’ (№ 20) идут, возможно, не из армянского, а из третьего общего для этих языков источника, что никак не расходится и с нашим мнением, отчетливо выраженным на с. 155 заметки.

К числу недоразумений относится и указание рецензента на то, что арм. *l* едва ли может отражаться в других языках в виде *l*. Напротив, такие факты засвидетельствованы десятками (ср. груз. *alag-* ‘стезя’, *alers-* ‘ласка’, *alkat-* ‘бедный’, *aliz-* ‘необожженный кирпич’ и мн. др.), что, начиная с Г. Гюбшмана признается и в арmenистике. Заметим также, что, вопреки рецензенту, слова под № 1–4 на с. 161 мы считаем не имеющими армянское происхождение, а лишь являющимися источниками для их дагестанских аналогов.

Рецензент отказывает в сопоставлении двух дагестанских лексем с их армянскими аналогами (*cel*, *cil* ‘семя’ при арм. *cel* ‘род, племя’ под № 7 и